

# ОБ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ: ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

**Столярова Ольга Евгеньевна** – доктор философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: [olgastoliarova@mail.ru](mailto:olgastoliarova@mail.ru)

Рассматриваются и комментируются критические замечания и идеи, высказанные оппонентами по поводу принципа рефлексивности и его философской реализации. Выделяется общая мысль оппонентов о том, что философская рефлексия, даже обращенная на себя, не может не учитывать результаты эмпирических наук.

**Ключевые слова:** философия, наука, рефлексивность, эмпиризм, постпозитивизм, STS, обоснование знания

# ON THE UNIVERSALITY OF PHILOSOPHICAL REFLECTION: REPLY TO CRITICS

**Olga E. Stoliarova** – DSc in Philosophy, Senior Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: [olgastoliarova@mail.ru](mailto:olgastoliarova@mail.ru)

The author replies and comments on the critical remarks and ideas expressed by her opponents concerning the principle of reflexivity and its philosophical realization. The general idea of the opponents that philosophical reflection, even if addressed to itself, cannot ignore the results of empirical sciences, is highlighted.

**Keywords:** philosophy, science, reflexivity, empiricism, postpositivism, STS, justification of knowledge

Я благодарна уважаемым коллегам, представившим критические соображения по поводу моего текста. Я буду отвечать в том порядке, в каком я получала комментарии и знакомилась с ними, тем более что данный временной порядок не препятствует логике ответа.

Валентин Александрович Бажанов в начале своей статьи высказывает сомнения в теоретической значимости принципа рефлексивности, да и самой сильной программы, для актуального развития STS. Период активного обсуждения сильной программы давно прошел, – замечает В.А. Бажанов, – и даже в свои лучшие годы, на пике популярности сильной программы принцип рефлексивности не находился в фокусе внимания теоретиков STS. Действительно, интеллектуальные моды имеют ограниченный срок годности, чего не скажешь о многих назойливых философских проблемах, которые



с удивительной неизменностью просвечивают сквозь меняющийся антураж времен. Принцип, или феномен рефлексивности, несомненно, относится к таковым. Не могу согласиться с В.А. Бажановым в том, что этот феномен не попал в фокус теоретических дискуссий периода становления STS. Напротив, он активно обсуждался такими отцами-основателями STS как М. Линч, Б. Латур, Г. Коллинз, Т. Пинч, С. Вулгар. Последний участвовал в создании исследовательской группы «рефлексивистов», специализирующейся в первой половине 80-х гг. на изучении этого феномена. И хотя сегодняшние представители STS вспоминают о нем, как и об остальных принципах сильной программы, как правило, лишь по особым случаям<sup>1</sup>, это не умаляет его теоретического значения и философского посыла. Я могу согласиться с тем, что в контексте STS «феномен потерял свой радикализм», но это означает, вероятно, что STS достигли стадии «решения головоломок», на которой их собственные парадигмальные основания утратили революционный пафос и перешли в разряд само собой разумеющихся. Однако они продолжают привлекать внимание философов (недавние работы о принципе рефлексивности: [Fuller 2015; Namaty-Ataya 2018; Bouzanis 2017; Bikaraan-Behesht 2021]), которые имеют привычку допрашивать «само собой разумеющееся», раскачивая лодку «нормальной науки». Все научные революции кое-чем обязаны философии.

В чем я безусловно согласна с В.А. Бажановым – в том, что отечественная философская традиция внесла значительный и оригинальный вклад в изучение проблемы рефлексивности в науке. Еще в раннюю советскую эпоху в России сформировалось вдохновенное марксизмом направление социальной истории науки, относительно самостоятельное по отношению к западной социологии науки и опередившее в постановке и решении ряда проблем западную мысль; Б.М. Гессен должен быть назван в первую очередь. Эта традиция, хотя и не развивалась в силу известных социо-политических обстоятельств и идеологических препятствий кумулятивно, тем не менее, принесла свои плоды и, наряду с отчасти близкими идеями сторонников деятельностного подхода, оказала влияние на формирование проблематики теории познания в позднесоветский период. Культурно-

<sup>1</sup> Антрополог и социальный историк науки Шэрон Джин Троуик, получившая в 2020 г. профессиональную награду сообщества STS, премию Джона Десмонда Бернала, присуждаемую за выдающийся вклад в дисциплину, в ответном докладе обратилась к принципу рефлексивности как одному из наиболее важных в ее работе: «Меня десятилетиями вдохновляли исследования STS на тему эпистемологической, теоретической и методологической рефлексивности... Рефлексивность в STS требует исследовать специфические допущения тех, кого мы изучаем, равно как и наши собственные... Мы должны получать знание, сопоставляя оба ряда допущений» [Traweek 2021, p. 61].



исторический анализ рефлексии, о котором говорит В.А. Бажанов как об отечественной специфике, и в который сам Валентин Александрович внес существенный вклад, несомненно, представляет собой весьма интересную альтернативу западным дискуссиям по поводу принципа рефлексивности. Отечественная традиция более многомерна. Она ориентирована на системные теории, в которых преломляются результаты социологии, кибернетики, квантовой механики.

Софья Владиславовна Пирожкова не удовлетворена предложенным философским объяснением эмпирического неуспеха принципа рефлексивности. Если это объяснение и способно кого-то в чем-то убедить, то только тех, кто уже стоит на философской позиции. Что же касается приверженцев эмпирического способа познания, то они вынуждены защищать границы науки от философских спекуляций. Автономность науки по отношению к философии – условие получения позитивного знания. Я вполне разделяю эту мысль, но хочу добавить, что и философия, со своей стороны, не может капитулировать перед наукой, если желает удержать собственное исследовательское пространство. Эту тривиальную истину С.В. Пирожкова, конечно, понимает, говоря о необходимом разделении труда между наукой и философией. Гораздо менее тривиальным является то, какие исторически конкретные формы принимает противостояние эмпирического и теоретического способов познания. В данном случае речь идет о программе натурализации знания, которая пытается усидеть на двух стульях, совместив объективность эмпирического знания с социальной интерпретацией фактов. С.В. Пирожкова говорит, что объясняющая модель сильной программы связывает факты с фактами, а не уходит к метафизическим построениям. Но дело обстоит не совсем так. Сильная программа сформировалась в контексте постпозитивизма, который, как справедливо отмечает Софья Владиславовна, показал, что самодостаточность фактов и основанного на них позитивного знания – это своего рода миф. Сильная программа и STS, наследующие ее принципы, движутся в русле разоблачения этого мифа: они выступают критиками науки, показывая, что за каждым научным фактом лежат предпосылки, или социальные факторы, скрытые от «наивных» ученых. Но социальные факторы – это не голые факты. Это культурный, политический, идеологический, коммуникативный бэкграунд, который служит источником объяснения и фактов, и обобщающих факты научных теорий. Каузальное объяснение, хотя и претендует на объективное наблюдение социальных факторов, содержит в себе спекулятивный элемент, поскольку выходит за пределы объясняемого данного. Когда же данным, которое следует объяснить, становится само социологическое объяснение, последнее подвергается деконструкции, которая неизбежно выходит за его пределы в поиске его причин.

Мне представляется интересной также мысль С.В. Пирожковой о том, что наиболее выигрышным обоснованием роли философии



в STS является эмпирическое свидетельство, указывающее на философствующих представителей STS. Преимущества такого парадоксального обоснования, как показывает Софья Владиславовна, раскрываются в институциональном контексте междисциплинарной коммуникации, где важным является сохранение автономности каждой из сторон без утраты возможности слышать друг друга.

В комментарии В.Н. Поруса можно найти аргументы как в защиту философского универсализма, так и оппонирующие этой точке зрения. Вопрос о том, в состоянии ли философия выступить универсальной «платформой метанаучной критики», находится в фокусе внимания Владимира Натановича. С одной стороны, для философии в этом смысле далеко не все потеряно. Владимир Натанович признает, что эмпиризм не может быть эмпирически обоснован. Любое так называемое «эмпирическое» обоснование эмпиризма, или «научное» обоснование науки на поверку оказывается не тем, чем хочет казаться. Оно строится на незаконно расширенном понимании эмпирического и научного. Чтобы методологическая работа обоснования могла совершаться, эмпирическое и научное должны всякий раз дополняться новым содержанием. Эмпирический базис социологов, наблюдающих за учеными, отличается от эмпирического базиса ученых, наблюдающих природу; социологическое объяснение отличается от естественно-научного объяснения. На следующем метауровне (по замыслу Блур) находится социологическое объяснение самого социологического объяснения. Оно тоже по идее не может полностью совпадать с самим собой, иначе оно останется «архитектурным излишеством». Получается, что научное самообоснование содержит в себе лакуны, через которые оно попросту перепрыгивает, когда считает нужным. Однако, как я поняла из рассуждений В.Н. Поруса, заполнение этих лакун философским и историко-культурным содержанием не решает проблемы. Принцип рефлексивности сильной программы звучит для Владимира Натановича как вотум недоверия, адресованный философским попыткам обоснования науки. Несмотря на многие остроумные доказательства, представленные философией в пользу самой себя, ученые и те социальные исследователи, кто, как Блур, себя к таковым относят, упорно продолжают гнуть линию методологического очищения от философских спекуляций. Ответственность за это, полагает В.Н. Порус, лежит на философии, универсализм которой служит ей, скорее, плохую службу: она кичится проблематичностью, делая ее своей визитной карточкой, вместо того, чтобы искать пути конструктивного решения проблем к всеобщему удовлетворению. Поэтому и предлагаемое ею обоснование знания принимает форму логического круга, оставаясь догмой или голой декларацией.

Трудно не согласиться с Владимиром Натановичем. Голые декларации ничем не лучше голых фактов, а философское самообольщение



вряд ли может послужить действенным лекарством против «наивности» ученых. И все же, не хотелось бы заканчивать ответ на пессимистической ноте. Все уважаемые комментаторы, будучи философами, так или иначе выразили общую мысль о том, что философская рефлексия, даже обращенная на себя, должна учитывать практики и результаты эмпирических наук. Мне думается, это еще одно свидетельство того, что философия никогда не достигает догматической самоуспокоенности. А значит, у нее есть шанс.

## Список литературы / References

Bazhanov, V.A. “Ob analize fenomena refleksii v nauke v otechestvennoj filosofii i v sil'noj programme STS” [On the Analysis of the Reflexion in Science in the Russian Philosophy, and the STS Strong Program], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 4, pp. 31–37. (In Russian)

Bikaraan-Behesht, 2021 – Bikaraan-Behesht, H. “Methodological Naturalism and Reflexivity Requirement”, *Logos & Episteme*, 2021, vol. XII, no. 3, pp. 311–330.

Bouzanis, 2017 – Bouzanis, C. “For Reflexivity as an Epistemic Criterion of Ontological Coherence and Virtuous Social Theorizing”, *History of the Human Sciences*, 2017, vol. 30, no. 5, pp. 125–146.

Fuller, 2015 – Fuller, S. *Knowledge: The Philosophical Quest in History*. Routledge, 2015. 304 pp.

Hamaty-Ataya, 2018 – Hamaty-Ataya, I. “The Sociology of Knowledge as Post-philosophical Epistemology: Out of IR’s ‘Socially Constructed’ Idealism”, *International Studies Review*, 2018, no. 20, pp. 3–29.

Traweek, 2021 – Traweek, S.J. “I Prefer the Map”, *Engaging Science, Technology, & Society*, 2021, vol. 7, no. 2, pp. 56–64.

Pirozhkova, S.V. “Filosofiya i issledovaniya nauki i tekhniki: problema vzaimootnoshenij” [Philosophy and Science and Technology Studies: The Problem of Relationships], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 4, pp. 38–43. (In Russian)

Porus, V.N. “Sleduet li filosofskaya refleksiya osnovanij nauchnyh issledovanij principu empirizma?” [Does the Philosophical Reflection of the Foundations of Scientific Research Follow the Empiricism Principle?], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 4, pp. 44–49. (In Russian)